

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Постановка „На днѣ“ М. Горькаго собрала вчера въ городской театр много публики. На спектаклѣ присутствовали авторъ, и публика, узнавъ объ этомъ, послѣ третьяго акта стала шумно и единодушно вызывать его, но авторъ не вышелъ.

Пьеса г. Горькаго ставится въ Н.-Новгородѣ едва-ли не 10-й разъ. Мы видѣли ее въ исполненіи труппы г. Басманова въ прошломъ великомъ постѣ, затѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ армарочномъ театрѣ подѣ режиссерствомъ г. Янова и, наконецъ, вчера. Въ общемъ, въ цѣльномъ лучшее впечатлѣніе оставила постановка труппой г. Басманова въ великомъ постѣ, можетъ быть потому, что тогда режиссеръ имѣлъ гораздо больше свободнаго времени для репетицій, и труппа составлена была специально и исключительно только для этой пьесы.

Вчерашняя постановка удовлетворительна въ общемъ. Въ частности есть прекрасно поставленные сцены, но есть и пробѣлы—излишнія паузы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не вполне жизненная народная заключительная сцена въ третьемъ актѣ во дворѣ ночлежки. Но зато въ отдѣльныхъ исполнителяхъ вчерашній спектакль имѣетъ преимущества. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоятъ г. Боровдинъ, игравшій роль Луки и Ф. П. Горевъ—актера.

Г. Боровдинъ игралъ Луку превосходно. Не было той суетливости, утрировки, которую мы видѣли у г. Михаленко. Передъ нами былъ цѣльный типъ своеобразнаго философа, одно появленіе котораго вносить лучъ свѣта въ костылевскую ночлежку. Лука, въ изображеніи г. Боровдина, говорилъ просто, жизненно, внесъ какой-то особый умрастворяющій тонъ въ эту среду и, когда онъ ушелъ—на сценѣ дѣйствительно стало пусто. Чувствовалось это не одними обитателями ночлежки, чувствовалось и публикой. Г. Боровдинъ внесъ въ эту роль именно чувство мѣры, облагородилъ ее, снялъ съ нее все наносное, утрированное, дѣланное, что мы развѣ видѣли въ игрѣ другихъ исполнителей.

Г. Горевъ выдвинулъ на первое мѣсто маленькую роль актера. Онъ сыгралъ ее просто, естественно, и получился художественный типъ, каковъ онъ есть, безъ малѣйшихъ прикрасъ. У г. Горева были сцены, когда онъ одной фразой давалъ цѣлый образъ, типъ.

Настю играла г-жа Арди Свѣтлова. Прекрасный гримъ, хорошо задуманный типъ, и масса вдумчивой, глубокой работы надъ этой ролью. Таково впечатлѣніе отъ игры артистки. Г-жу Арди-Свѣтлову трудно было узвать—до того она вошла въ роль. Но въ нѣкоторыхъ сценахъ, какъ на примѣръ, въ послѣднемъ актѣ въ сценѣ съ барономъ ее портила искусственность игры. Лучшій актъ у ней былъ на дворѣ ночлежки. Сцена эта произвела сильное, глубокое впечатлѣніе.

Очень симпатично изобразила Наташу г-жа Максимова. Въ ей игрѣ было много теплоты, чувства, а послѣдняя сцена на дворѣ ночлежки проведена съ большимъ драматизмомъ, безъ всякой дѣланности.

Г-жа Кускова удачно справилась съ ролью Васялина.

Слишкомъ реально играла роль Анны г-жа Подгорская. Ея гримъ, игра и этотъ ужасный, удручающій кашель дѣйствовали на нервы.

Сатинъ мало удался г. Басманову. Послѣдній въ большинствѣ роли былъ самимъ собой—цѣльнаго, опредѣленнаго типа полуинтеллигентнаго обитателя ночлежки онъ не далъ.

Очень хорошъ былъ г. Кремлевъ—Пепель, прекрасно отбѣившій испорченность этой молодой, сильной натуры. Типичный баронъ—г. Строгановъ,—совершенно живое лицо. Въ положительномъ смыслѣ нужно отмѣтить—г. Чернова-Лепковского, очень удачно сыгравшаго роль Вубнова, г. Горина—полцѣвскій, г. Зягинцева—Клещъ. Роли татарина, Костылева исполнены мало удовлетворительно.

Пьеса имѣла большой успехъ, и вызовы исполнителей продолжались въ теченіе всего спектакля.